

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П76

Оформление переплёта – *Андрей Фerez*

Прилепин, Захар.

П76 Истории из лёгкой и мгновенной жизни / Захар Прилепин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 313, [7] с. — (Захар Прилепин: публицистика).

ISBN 978-5-17-119567-0

«Эта книжка — по большей части про меня самого.

В последние годы сформировался определённый жанр разговора и, более того, конфликта, — его форма: вопросы без ответов. Вопросы в форме утверждения. Например: да кто ты такой? Да что ты можешь знать? Да где ты был? Да что ты видел?

Мне порой разные досужие люди задают эти вопросы. Пришло время подробно на них ответить.

Кто я такой. Что я знаю. Где я был. Что я видел.

Как в той, позабытой уже, детской книжке, которую я читал своим детям.

Заодно здесь и о детях тоже. И о прочей родне.

О том, как я отношусь к самым важным вещам. И какие вещи считаю самыми важными. И о том, насколько я сам мал — на фоне этих вещей.

В итоге книга, которая вроде бы обо мне самом, — на самом деле о чём угодно, кроме меня. О Родине. О революции. О литературе. О том, что причиняет мне боль. О том, что дарует мне радость.

В общем, давайте знакомиться. У меня тоже есть вопросы к вам. Я задам их в этой книжке».

Захар Прилепин

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119567-0

© Захар Прилепин
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

Первые деньги, последняя строчка	9
Не проси, а то дадут	16
Несколько неважных слов в течение дня	23
Хождение по счастью	30
Всё сбылось	37
Город Горемыка, дзержинская птица и прочие псевдонимы	66
Ополченец, монах и некоторые другие	74
Фото с автоматом	79
Послушать картину, посмотреть стихи	85
Эколога, или Трубка дзержинского мира	90
Трамвай на Свердловле	96
Оглянуться и не расплакаться	104

Не трогай море — моменто море	111
Кач-кач до Москвы	116
Цивилизация возвращается	120
Почти детектив про Высоцкого, писателя и друга его, старателя	126
Успеть всюду, или Живу на всём готовом	135
Баба-яга — лучший друг отца	143
Хорошо там, где меня мало	149
Нормальный танец в смазных сапогах	155
Незаметный русский участковый	161
Главный демократ в России	169
Обыкновенный францизм	174
Великая антиколониальная	182
Русская советская бомба	186
Красота советских вождей в глазах итальянок	192
Легкомысленная прогулка по Мюнхену	196
Скучная, как антисоветская библиотека	204
Газировка	211
Человек прогресса и пустоты	215
Лоялист-твист	222
Лермонтов как автор романа «Духless»	228
Агония его Матильды	235
Яблоко Тьюринга	243
Скорость как преодоление сиротства	246
Время, которое я выбираю	252
Памяти артиста	258
Мелочи сказочной жизни	263

Живущие так	269
Долгожданная встреча с личным телом	273
Не бросайте камень первым	278
Успех не терпит пустоты	283
Бесконечный чудесный переезд	290
Солнце на верёвочке	296
Без предела	302
Жизнь повсюду	309

ПЕРВЫЕ ДЕНЬГИ, ПОСЛЕДНЯЯ СТРОЧКА

Я учился в школе и писал стихи. За окном наблюдалась перестройка. Перестройку я запомнил, как непрерывную осень: словно природная и умственная слякоть объяла всё. Люди бегут по леденеющим лужам, взбивая грязный, отвратительный снег. Ужасно болит голова: от шума, от гама, от топота, от грохота, от всего сущего.

Моя семья жила в хрущёвке, на пятом этаже, где за вечно закрытыми шторами, обложенный книжками стихов и виниловыми пластинками, обитал я.

Читал и слушал, слушал и читал.

К отцу приходили друзья — я помню то странное и удивительное время, когда советские люди заходили друг к другу без звонка, и даже не по причине наличия бутылки того или иного напит-

Захар Прилепин

ка, а просто в силу желания поговорить, поспорить, поделиться новостями.

Как минимум трём отцовским друзьям я пел под гитару песни — Башлачёва, Летова, Гребенщикова, Кинчева и свои. В 1989 году люди отцовского — первого послевоенного — поколения таких песен знать не знали. Им странным образом нравилось. Они выпивали — я в этом не участвовал — и снова звали меня: а спой.

Я с удовольствием пел. Хотя не очень умел.

Но стихи у меня получались ничего так. Я мечтал стать поэтом.

Тогда ещё существовала такая профессия — «поэт». Поэты были элитой. В газетах и журналах за одну публикацию им платили месячную зарплату рабочего. Книжки даже самых средних поэтов раскупались. Книжки поэтических звёзд — а их было на страну десятка два-три — продавались теми тиражами, которыми сегодня продаются здесь «50 оттенков серого», а то и большими.

Поэтом я хотел быть вовсе не по причине тиражей и не из детской зависти к оглушительной славе какого-нибудь Евтушенко, — а просто меня больше ничего так не интересовало, как поэзия, как музыка, как сочетания слов, которые вдруг дают поразительный или поражающий эффект.

Короче, как-то раз, без моего ведома, один из отцовских товарищей взял несколько моих стихотворений и передал редактору одной местной газеты.

Вернулся я из школы, а меня этот самый отцовский друг встречает у дома, счастливый донельзя: «Поздравляю с первой публикацией!»

Первые деньги, последняя строчка

Не знаю, как сейчас люди воспринимают первую публикацию, — а тогда это было что-то из области недосягаемого: увидеть свои буквы, свои слова — пропечатанными.

Сам статус не только книги, не только журнала, но даже газеты — был феноменально высок.

Вспомните, что Владимир Семёнович Высоцкий, собиравший стадионы на своих концертах, сыгравший в тридцати фильмах, работавший в самом популярном театре на Таганке, имевший второй на весь СССР «Мерседес» (первый был у Брежнева, а третьего не было ни у кого), женатый на французской актрисе, имевший возможность выезжать и выступать за границей, — этот самый Высоцкий всю жизнь горевал, что его стихи не публикует советская пресса.

Какие-то, тьфу, газетки! Какие-то, боги мои боги, нелепые, бумажные журналы! Что это вообще — на фоне его небывалой, аномальной, невозможной, немыслимой, аналогов не имеющей славы и удачливости? Вообще ничего! И, тем не менее, горевал.

Советская власть приучила людей верить в необычайную силу печатного слова.

(Постсоветская, забегаая вперёд, вообще разучила верить в печатное слово, — и это, увы, тоже достижение.)

Но я ничего такого в пятнадцатилетнем возрасте даже предположить не мог, и пришёл от новости в полный восторг.

Мои! Стихи! В газете!

Вида, конечно, не подал — но внутренне был преисполнен ликования.

Захар Прилепин

По осенней слякоти мы сначала ехали в какой-то недалёкий городок на рейсовом автобусе, а потом шли пешком.

Я даже забыл название этого городка, вот ведь.

В редакции я сразу увидел эту газету, и стремительно нашёл свои стихи: верней, одно.

И тут же, естественно, прочитал.

И сразу пришёл в ужас: там было вырезано последнее четверостишие — и вместо моих строк кто-то — видимо, редактор — сочинил другой финал.

Отцовский друг смотрел на меня, улыбаясь; я с трудом сдержался, чтоб не заорать от бешенства и не разорвать газету в клочки.

Редактора на месте не было, и отцовский друг ушёл его искать. Я вышел из журналистской комнаты, и присел в коридоре, спиной к стене.

Закусив губу, я завязывал развязавшиеся и пропитанные грязной влагой шнурки.

Внутри у меня саднила бешеная обида, что со мной так поступили. Они переписали мои стихи. Как они посмели!

По сей день это чувство не истаяло во мне.

Если я однажды приду домой, и увижу, что воруются в моих чемоданах, — я не испытаю подобного бешенства. Ну, подумаешь, вор. Может, у него жизнь тяжёлая.

У меня однажды своровали машину из гаража — не застрахованную — то есть, пропажа была невозможной; но я точно помню, что это огорчило меня куда меньше, чем финальное, подшитое к моей голой коже, четверостишие.

Я всё ещё сидел у стены и ковырялся в шнурках, — кажется, они ещё и оборвались, и потому

Первые деньги, последняя строчка

никак не завязывались, — когда подошёл приветливый редактор и подал мне руку.

Помню, что я протянул ему руку, не вставая. Жест этот с моей стороны носил явно хамоватый характер, и у меня было время об этом догадаться, — но я нарочно не встал.

Рука моя была мокрая и чуть грязная — от песка, налипшего на шнурки.

Сидеть дальше, впрочем, не имело смысла, и я пошёл вослед за редактором в его кабинет.

Мои ботинки оставляли ужасные, грязные следы. Они обладали уникальной способностью накапливать в себе множество воды и потом расходовать её в течение нескольких часов на любых сухих и вымытых поверхностях. Такие ботинки нужно выдавать солдатам — вместо фляжек. Думаю, один такой ботинок даёт чайник воды. Два ботинка — два чайника.

Я топтался в кабинете редактора и время от времени поводил ногами, мстительно оставляя разводы вокруг себя. Мой приход должен был потребовать впоследствии генеральной уборки.

Редактор — мужик лет сорока пяти — сразу обо всём догадался, и сказал мне с чуть снисходительной улыбкой, что моя образность ему нравится, но она чрезмерна, — здесь он на память процитировал есенинские строки про избу, жующую челюстью порога мякиш тишины.

Он мне намекнул, что Есенин мог позволить себе такие штуки, а мне ещё рано, мне надо попросте себя вести.

«Ну, не настолько же попроще!» — подумал я возразить, но не стал. Финальной строкой мое-

Захар Прилепин

го стихотворения — вместо придуманной мной строки, — теперь была вот эта, цитирую: «Жизнь без веры, что дом без окна».

Чтодомбезокна, чтодомбезокна, чтодомбезокна — повторял я эту патетичную банальность, как самое гадкое ругательство. Мне хотелось плакать: теперь все прочитают эти стихи и подумают, что я банальный тип, а никакой не поэт.

Отцовский друг, впрочем, ничего так и не заметил.

Мы взяли несколько номеров газеты и поехали обратно.

Гонорар мне пришёл через неделю или полторы. Он был вполне себе весомый — на него можно было бы купить литров шесть-семь разливного пива. Гонорар составлял, кажется, одну десятую от отцовской учительской зарплаты.

Отец сказал матери: видишь, ему пятнадцать лет, а он заработал свои первые деньги. Отец был горд.

Газеты эти я выбросил сразу. Надеюсь, что весь тираж того номера исчез безвозвратно.

С тех пор я работал грузчиком, могильщиком, постовым милиционером, командиром отделения ОМОН, журналистом, рекламным агентом и креативным редактором в рекламном агентстве, потом был военным, потом — советником главы одного государства, и снова военным, я снимался в кино, я сочинял музыку, я много чем занимался.

Но, положа руку на сердце, я хочу сказать, что больше всего, как и прежде, я люблю поэзию, и хочу, чтоб платили мне именно за это: за стихи, за романы, за рассказы. За написанное мной.

Первые деньги, последняя строчка

Только не переделывайте последнюю строку, пожалуйста.

Возможно, в последней строке было что-то очень важное.

Стихи те я утерял. А саму строку забыл. Кто теперь мне её подскажет.